

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ д-ра Г. М. МИХАЙЛОВА.

Я - д-р Георгий Минчев МИХАЙЛОВ. Мне 35 лет, я врач, женат, не судился, житель гор. Софии, даю следующие показания:

5 июля 1943 г. я выехал в очередной отпуск на 15 дней в родное село моей жены Добри-Дел, Горно-Ореховского уезда, где она находилась с нашими детьми. Об использовании мною отпуска директор Судебно-Медицинского Института, в котором я состою ассистентом, письмом поставил в известность декана Медицинского факультета.

На следующий день по моем приезде в село, поздно вечером меня вызвали к телефону, по которому разговаривал со мной тогдашний главный секретарь Министерства Внутренних Дел г-н Желев. Он сообщил мне, что по приказу Правительства я должен с первым же поездом возвратиться в Софию, так как правительство посылает меня с заданием за границу. Он заявил, что дело срочное, нужно будет лететь на самолете. Когда я прибуду в Софию, я должен буду представиться главному секретарю Министерства Иностранных Дел, который сообщит мне подробности. Я ответил, что возможно это ошибка. Наверно, речь идет не обо мне. О моем пребывании в этом селе было известно только в Институте, в котором я работаю. Я спросил: уведомлен-ли о возлагаемом на меня задании мой шеф. Мне ответили, чтобы я об этом не

заботился. Я выехал утром на следующий день и прибыл в Софию после обеда. На следующий день я представился в Министерство Иностранных Дел заместителю Главного секретаря Полномочному Министру г-ну Сарафову, который сказал мне, что по требованию немцев и по приказу премьер - министра мне поручено в качестве посланца болгарского правительства участвовать в составе международной комиссии по расследованию обнаруженных в Виннице /Украина/ трупов. В эту комиссию войдут представители всех европейских стран. Я сразу заявил, что не хочу и не должен выезжать, так как я самый молодой судебный врач в единственном Судебно-медицинском Институте в нашей стране и что я не чувствую себя подготовленным для подобной миссии. Действительно, я до сих пор работал по судебной медицине только 5 лет и за это время я исследовал не более 1 /одного/ - двух эксгумированных /вырытых/ трупов. Г-н Сарафов сказал мне, что в начале хотели поручить это моему шефу профессору Ивану Москову, который заявил, что не владеет немецким языком, вследствие чего он не мог выехать. Д-р М. Марков был в Катыне, но немцы остались недовольны им и теперь не хотели его. Я ответил, что знаю немецкий язык не лучше своего шефа и что немцы останутся еще более недовольны мною, ибо я не буду проводить никакой пропаганды. Перед моими глазами была моральная инквизиция, которой подвергся д-р Марков со стороны немецкой миссии, когда он возвратился из Катыни. Такой же моральной инквизиции он подвергся со стороны

Министерства иностранных дел и Дирекции национальной пропаганды, которые хотели, чтобы он делал заявления, выступал по радио, на собраниях с тем, чтобы проводить такую пропаганду, какую хотели немцы. В разговоре с г-ном Сарафовым в течение двух часов я приводил довод за доводом, чтобы не посылали меня. Выбор пал на меня потому, что я - последний из трех специалистов по судебной медицине в нашей стране. Г-н Сарафов по-отцовски пожалел меня за тяжелый жребий, который возложило на меня правительство. От д-ра Маркова мне было известно, что мне не удастся уйти от этого, коль выбрали меня. Я имел ввиду слова секретаря тогдашнего премьер-министра г-на Гурова, который сказал ему, что мы теперь в войне и правительство найдет способ послать его туда, куда оно найдет нужным. Тогда я вернулся в Институт и попросил своего шефа профессора Ив. Московского сделать все возможное, чтобы на меня не возлагали этой, непосильной для меня, миссии. Он ограничился тем, что сказал, что он меня не рекомендовал, но что, если бы он только сказал, что я не подготовлен для такой работы, как оценка эксгумированных трупов, наверно, никто не настаивал бы, чтобы я поехал и наш институт остался бы чистым от подобной деятельности. При моем разговоре с проф. Московским присутствовала ассистентка инсти- тута д-р Ружа Васиљева. Тогда по телефону вызвал меня в свою клинику проф. Станишев и начал настаивать, чтобы я поехал, так как в состав комиссии войдут профессора и из нейтральных стран, и Болгария должна принять участие.

Немцы его спрашивали обо мне и он им сказал, что знает меня как трудолюбивого и интеллигентного коллегу. Я заявил ему, что и при Катыне немцы проводят это расследование с целью пропаганды и что я считаю, что для звания и службы врача не подходит проводить политическую пропаганду. Лично я не сделал бы ничего в этом направлении. Он начал возмущаться тем, что д-ру Маркову пришлось перетерпеть из-за нежелания проводить пропаганду. Из Министерства иностранных дел мне сообщили, что у ректора университета потребовали для меня служебный отпуск и что такой отпуск приказом ректора мне был дан. Со стороны министерства очень спешили, так как предстоял воскресный день и в понедельник я должен был выехать. Рассыльный министерства отвел меня в немецкую миссию, где наложили визу на мой паспорт. Билет для поездки вручил мне д-р Бирман, с которым я до тех пор не был знаком, а после этого не видел. Он предупредил меня, что на аэродроме в Берлине меня будут ждать люди, которым он сообщил о моем приезде. Действительно, несколько минут спустя после моего прибытия, подехала машина с военным шофером, который нашел меня и отвел в гостиницу, где находились и остальные делегаты. Здесь были профессора: Хюгевист из Швеции, д-р Портен - из Голландии, представитель Бельгии, имя которого я не помню; Довоар - из Парижа, Кацанига - из Милана, Песонен - из Финляндии, Коушек - из Словакии, Ирак - из Загреба, Орзош из Будапешта, Биркле - из Бухареста и я. Большинство из них были стариками, перед которыми я казался ребенком. На следующий день мы вылетели на большом четырех -

моторном пассажирском самолете в сопровождении д-ра Вегнера, директора в министерстве Народного Здравоохранения и д-ра Цийча, начальника в том же министерстве. После нашего прибытия в Винницу, где нас встретили немецкие полицейские, д-р Вегнер сообщил, что мы пробудем здесь полтора дня, после чего он потребует от комиссии протокол о виденном ею. На другой день нас повели за город, где показали нам несколько рвов, наполненных человеческими трупами. Здесь немцы работали независимо от комиссии. Работа нашей комиссии состояла в том, чтобы выслушать находящихся там крестьян, которые говорили, что несколько лет тому назад они потеряли своих близких /прежде чем туда пришли немцы/, и что некоторые из этих крестьян узнали одежду ^{своих} близких в этих рвах при трупах. Перед нами, однако, никто из них не показал нам одежды, о которой твердили, будто она принадлежала кому нибудь из близких. Немцы показали нам документы, которые они нашли на трупах. Из этих документов видно было, что они датированы 1937 и 1938 годом. Трупы находились в полуразложившемся состоянии и по ним было абсолютно невозможно установить личность кого либо. Налицо было около сотни трупов. Некоторые из членов комиссии начали производить вскрытие. Вскрытию было подвергнуто около 10 трупов. Лично я не делал самостоятельно вскрытия. Я считал, что это не будет содействовать выяснению вопроса о давности трупов, вопроса, который был самым важным. Проф. Лювоар из Парижа, очень старый профессор по судебной медицине,

также не производил вскрытия. Его поведение - было поведением человека, который не верит в правдивость всего этого, человека - который присутствует на чем то подстроенном. На другой день д-р Вегнер собрал нас всех на заседании, на котором он, хотя и не являясь специалистом по судебной медицине - председательствовал, высказывался и т.п. Актив составил профессор Орзош, причем в доклад вошли данные о сделанных членами комиссии вскрытиях. Доктор Вегнер пытался втиснуть некоторые вещи, которые были очень удобны для пропаганды. Так, например, он хотел вписать, что некоторые из жертв были погребены живыми. Я первый заявил, что о подобных вещах нет никаких данных. Это мое возражение также, как и мое неактивное участие во вскрытии привело к тому, что он начал холодно относиться ко мне. В заключении акта основным вопросом, который нужно было решить, был вопрос о давности трупов. Было несомненно, что по состоянию трупов этот вопрос нельзя было решить с точностью. Оставались побочные сведения из распросов, обнаруженных документов и т.п., о достоверности которых судебный врач не может высказываться и, в заключении, было записано, что основываясь, главным образом, на этих побочных сведениях, можно было бы согласиться с тем, что давность трупов составляет приблизительно пять лет. Профессор Орзош, который слывет специалистом по групповым убийствам, сказал, что на основании его опыта и особенно на основании опыта Катыни можно считать, принимая во внимание также глубину могил, что изменение

трупов соответствует приблизительно этому сроку. Против этого мнения не возразил никто из старых профессоров, имеющих многолетнюю практику. У меня не было достаточно опыта для того, чтобы я высказался по этому вопросу. Я и все остальные подписали акт, считая, что протокол и заключение являются документами судебно-медицинской экспертизы, основанной в своей заключительной части, главным образом, на данных, которые не подлежат оценке судебного врача. О достоверности же этих данных, рассказов, документов и проч. можно было судить по тому, что свидетельские показания собирались среди людей, находившихся под германской оккупацией, а документы собирались немецкими полицейскими. Протокол в виде рукописи был составлен в Виннице. На другой день было определено, что д-р Орзош должен передать протокол заместителю министра Народного Здравоохранения. Перед входом в кабинет министра на скорую руку, так как заместитель министра ждал, был подписан переписанный на пишущей машинке акт с копиями для всех членов комиссии. Вечером д-р Биркле сообщил мне, что он заметил, что некоторые данные акта изложены не так, как они были изложены в рукописи акта. Мы попытались найти профессора Орзоша, чтобы сличить, но он находился в доме помощника министра в качестве его гостя. нас быстро отослали потому, что они должны были кого-то встречать.. Д-р Биркле и я выехали в Бухарест, откуда я возвратился в Софию. Привезенную мной копию протокола я передал министерству иностранных дел. У меня не осталось копии. Этим и закончилась моя миссия. Я

нигде не писал^и/не выступал, нигде не проводил никакой пропаганды в связи с этой возложенной на меня миссией. Немцы, которые не получили от меня ничего для их пропаганды, пригласили других людей : врачей, священников, журналистов, которые должны были проводить пропаганду. Я не мог пропагандировать чего-либо такого, в чем я сам не был убежден. Пропаганда, которая проводилась у нас, не основывалась на протоколе комиссии. Этой пропагандой распространялись данные и заключения немецкой полиции. Своим коллегам по институту д-ру Маркову и д-ру Руже Васильевой также, как и д-ру Р.Райнову, который теперь является членом комитета Отечественного фронта при Медицинском факультете, я еще тогда сказал, что хотел бы выступить с опровержением в печати, против этой пропаганды, Это мое желание, разумеется, было смешным в тех условиях, при которых нельзя было опровергать то, что утверждала Дирекция национальной пропаганды.

Таким образом, принужденный по линии службы существовавшим тогда правительством, не получив со стороны своего непосредственного начальства никакой поддержки в том, чтобы освободить меня от этой обязанности, я принял участие в этой комиссии, все время сознавая, что я участвовал в судебно-медицинской экспертизе, заключение которой основывается, главным образом, на данных, не имеющих медицинской сущности. Сама же экспертиза не является самым важным и существенным в данном процессе.

Последним средством, на которое я мог бы решиться, было подать в отставку перед тем, как поехать. Но

тогда меня ожидали преследования, воспоминания о которых слишком свежи. Поэтому я решил молчать, не делать ничего для германской пропаганды, что мне и удалось. Это мое поведение, также как и поведение д-ра Маркова, заставило немецкое посольство смотреть на наш институт, как на институт, который проводит саботаж. Об этом было дано понять тогда, когда ассистент института д-р Шипковенский пожелал поехать на научную работу в Германию. Это было ему запрещено, хотя факультет оказал ему для этой цели материальную помощь и до этого он был там в научной командировке.

Вышеизложенное я написал собственноручно, о чем и подписываюсь.

/Д-р Михайлов/

14/XI-1944 г.
София

С подлинным верно

Председатель третьего Верховного
состава Народного суда - Софии

/Борис ЛОЗАНОВ/

Министерство Юстиции удостоверяет, что učinенная на предыдущей странице подпись Главного Прокурора при Верховном кассационном суде - Бориса ЛОЗАНОВА - Председателя Третьего Верховного состава Народного суда - Софии, является доподлинной.

София, 21 марта 1946 года.

Начальник Гражданского Отдела /Б. Добрев/
/печать/

Министерство Иностранных дел и Исповедания удосто -
веряет подлинность выше учиненных подписи и печати Министер -
ства Юстиции.

София, 21/Ш-1946 г.

Секретарь Консульского Отдела /подпись/
/печать/

Настоящий документ легализован в Консульском Отделе
Миссии Союза ССР в Болгарии.

Гор. София, 21 марта 1946 года.

Заведующий Консульским Отделом Миссии
Союза ССР
№ 136 /подпись/
/печать/

Настоящая переписка содержит 12 /двенадцать/ листов.

Начальник Уголовного отдела
при Министерстве Юстиции /Ст. Станев/
/печать/

ПЕРЕВЕЛ :

Валев

/ВАЛЕВ Л.Б./

26/Ш-46г.
ач